

(в трактовке Достоевского) не выходит из круга фантастических представлений; чтобы спасти одно, он прибегает к другому, еще более нелепому — и так до бесконечности (глава из «Дневника писателя» носит название «Ложь ложью спасается»).

Показательно, что перед тургеневским Дон-Кихотом подобной коллизии, подобных вопросов не возникает, так как они предполагали бы сравнение «идеала» с действительностью. Тургенев же берет эти идеалы только с субъективной стороны, со стороны «веры» Дон-Кихота.

Даже финал романа интерпретирован Тургеневым так, что субъективное отношение персонажа к идеалу как бы сохранено, вера не поколеблена. Вот как звучит последняя речь Дон-Кихота у Сервантеса: «...Новым птицам на старые гнезда не садиться. Я был сумасшедшим, а теперь я здоров, я был Дон-Кихотом Ламанчским, а ныне, повторяю, я — Алонсо Кихано Добрый. Искренним своим раскаянием я надеюсь вновь снискать то уважение, коим я некогда у нас пользовался...» [21, с. 534].

А вот как пересказан этот эпизод Тургеневым. «Когда бывший его оруженосец, желая его утешить, говорит ему, что они скоро снова отправятся на рыцарские похождения: „Нет, — отвечает умирающий, — все это навсегда прошло, и я прошу у всех прощения; я уже не Дон-Кихот, я снова Алонзо добрый, как меня некогда называли“...». «Это слово удивительно, — добавляет Тургенев от себя, — упоминание этого прозвища, в первый и последний раз — потрясает читателя. Да, одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. Все пройдет, все исчезнет... Но добрые дела не разлетятся дымом...» [1, т. 8, с. 191].

Эпизод пересказан так, что момент прозрения отодвинут в тень, скраден (упоминания о былом «сумасшествии», о «раскаянии» вообще опущено). Зафиксирован отказ Дон-Кихота от рыцарских пождений, от рыцарства — но так, что неясно, из каких мотивов вышло это решение, словно лишь физическая слабость, приближающаяся смерть помешали Дон-Кихоту вести прежний образ жизни. Возвращение к подлинному имени «потрясает читателя» благодаря своему прибавлению («Алонзо добрый»); перед добротой же бессильно все, даже время. Эпитет «добрый» распространяется на все рыцарские деяния Дон-Кихота; тем самым финал романа, на самом деле являющийся прозрением, не только не отменяет их, но еще больше утверждает и кодифицирует перед лицом вечности.

Дон-Кихот последовательно освобожден от моментов сознания и самоконтроля не потому, что Тургенев принципиально ими пренебрегал. Просто прерогатива этой способности целиком отдана другому лицу — Гамлету. Оба персонажа так же нерасторжимы, как «дон-кихотская пара» в романе Сервантеса. Больше того: тургеневский Дон-Кихот существует только в силу наличия своего антипода. Оба героя в известном смысле образуют единый двуобраз.

«Что же представляет собою Гамлет? — спрашивает Тургенев. — Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами... Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя... Гамлет сам наносит себе раны, сам себя терзает; в его руках тоже меч: обоюдоострый меч анализа» [1, т. 8, с. 174—176].

У одного центр притяжения — вне личности, над нею. У другого — в пределах собственной личности. Один безгранично верит. Другой безгранично сомневается. Один исполнен энтузиазма. Другой — иронии и самоиронии.

Это не типы, не характеры. Это, как говорит Тургенев, «два коренные направления человеческого духа» [1, т. 8, с. 192]. В реальности они находят различные воплощения; то преобладает одно «направление», то другое; возможно и их известное равновесие. Но невозможно представить себе в реальности их чистое, беспримесное существование.

Тургенев же строит свою классификацию на полной однородности и чи-